

УДК 902/903 (470.55/.58)

Поступила в редакцию: 02.04.2026

Доработана после рецензирования: 24.06.2026

Принята к публикации: 27.07.2026

О роли кара-абызского населения в формировании бахмутинской культуры

Александр Геннадьевич Колонских

Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа, Россия

E-mail: kontrobazz@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено попытке определить характер и степень влияния кара-абызского населения на процессы формирования бахмутинской археологической культуры. Источниковой базой для проведения данного анализа выбрана керамическая коллекция эпонимного Кара-Абызского городища. Это укрепленное поселение не раз становилось объектом археологических исследований, однако значительная часть полученного материала до настоящего времени не опубликована. Данная ситуация справедлива и для археологических коллекций городища, хранящихся в фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН. Керамический материал происходит из разведок, проведенных в 1959 г. Н.А. Мажитовым, в 1960 г. А.Х. Пшенничюком, и раскопок городища, выполненных В.А. Ивановым в 1977 г. Общая численность коллекций составляет 722 ед.хр., из которых 686 – фрагменты лепных керамических сосудов. Керамика городища представлена шестью культурными группами. Наиболее массовый материал относится к кара-абызской и бахмутинской гончарным традициям, в значительно меньшей степени – к постмаклашеевской, ананьинской, гафурийской и чияликской. Характеристика коллекций позволила установить морфологию, форму, состав и орнаментацию указанных групп керамики. На основе этого анализа удалось установить, что площадка городища использовалась населением раннего железного века в период с VI–V вв. до н.э. по II–III вв. н.э., населением бахмутинской культуры в эпоху Великого переселения народов (IV–VIII вв. н.э.) и средневековым населением чияликской культуры (XIII–XIV вв. н.э.). Очевидно, что городище не могло существовать постоянно на протяжении всего этого времени. Методами исследования стали суммарная характеристика и сравнительный анализ, основанные на разработках формализовано-статистических программ обработки керамики В.Ф. Генинга. Их применение позволило установить показатель степени абсолютного сходства классической кара-абызской и бахмутинской керамических серий по 32 признакам на уровне 34,1%, что может говорить лишь об умеренном сходстве. В результате сформулирован вывод о том, что кара-абызское население принимало участие в формировании культурных стереотипов бахмутинского населения. Наиболее подходящей для этого базой выступает южная группа кара-абызского населения, локализуемая территорией г. Уфа и южнее, представленная убаларским и имендьяшевским типами керамики. Северная часть кара-абыза, занимающая территорию среднего течения р. Белой (от г. Уфа и до г. Бирск), с характерной для неё классической керамикой и примесью раковины в формовочных массах, вероятно, имеет большее отношение к формированию мазунинского населения в Удмуртском Прикамье.

Ключевые слова: керамика, кара-абызская культура, постмаклашеевская культура, гафурийский тип, АКИО, мазунинская культура, бахмутинская культура, городище Кара-Абыз, морфология, статистические методы

Цитирование. Колонских А.Г., 2026. О роли кара-абызского населения в формировании бахмутинской культуры, *Уфимский археологический вестник*, т. 26, № 3, с. 566–578. <https://doi.org/10.31833/uav/2026.26.3.031>

Финансирование. Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по теме «Археология поселений Южного Урала. Структура расселения и организация жизненного пространства в условиях природной и культурной трансформации». Регистрационный номер 1022040500498-5-6.1.2.

Благодарности. Выражаю благодарность автору раскопок городища Кара-Абыз В.А. Иванову (1977 г.) за возможность публикации археологического материала памятника, а также за всемерную помощь и поддержку в подготовке исследования.

On the Role of the Kara-Abyz People in Forming the Bakhmutino culture

Alexander G. Kolonskikh

Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev, Ufa Scientific Center, Russian Academy of Sciences

E-mail: kontrobazz@mail.ru

Abstract. The study is devoted to an attempt to determine the nature and extent of the Kara-Abyz people's influence on formation of the Bakhmutino archaeological culture. The source base for this analysis is the ceramic collection from the eponymous Kara-Abyz hillfort. This fortified settlement has repeatedly been the subject of archaeological research; however, a significant portion of the material obtained has not been published to date. This also applies to the archaeological collections from the settlement held by the funds of the Museum of Archaeology and Ethnography at the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Research, Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (RAS). The ceramic materials originate from surveys conducted in 1959 by N.A. Mazhitov, in 1960 by A.Kh. Pshenichnyuk, and from excavations of the settlement carried out in 1977 by V.A. Ivanov. The total number of items in the collections amounts to 722 storage units, of which 686 are fragments of hand-made ceramic vessels. The ceramics from the settlement are attributed to six cultural groups. The most numerous materials belong to the Kara-Abyz and Bakhmutino pottery traditions. There are significantly smaller contributions from the post-Maklasheevka, Ananyino, Gafuri, and Chiyalik traditions. The collections analysis reveals the morphology, shape, composition, and ornamentation of the identified ceramic groups. This analysis helps determine that the settlement area was used by the Early Iron Age people in the 500^s–400^s BC and the 100^s–200^s AD, by the Bakhmutino culture people during the Migration Period (300^s–700^s AD), and by the medieval people of the Chiyalik culture (1200^s–1300^s AD). It is evident that the settlement could not have existed continuously throughout this entire period. The research methods include a summary description and a comparative analysis based on formalized statistical programs for processing ceramics developed by V.F. Gening. This approach allows to determine the degree of absolute similarity between the classical Kara-Abyz and Bakhmutino ceramic series equal to 34.1% based on 32 features, which indicates only moderate similarity. As a result, it is concluded that the Kara-Abyz people played their role in shaping the cultural stereotypes of the Bakhmutino population. The most suitable reasoning for this is the southern group of the Kara-Abyz people occupying the territory of Ufa and its surroundings. They can be traced thanks to the Ubalar and Imedyashevo types of ceramics. At the same time, the northern part of Kara-Abyz occupied the middle reaches of the Belaya River (from Ufa to Birs), with their distinctive classical ceramics and shells found in the molding materials. They are likely to have a greater influence on the Mazunino people in the Udmurt Kama region.

Keywords: ceramics, Kara-Abyz culture, Post-Maklasheevka culture, Gafuri type, Ananyino cultural and historical region, Mazunino culture, Bakhmutino culture, Kara-Abyz hillfort, morphology, statistical methods

Citation. Kolonskikh, A.G., 2026, "On the Role of the Kara-Abyz People in Forming the Bakhmutino culture", *Ufa Archaeological Herald*, vol. 26, no. 3, pp. 566–578. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/uav/2026.26.3.031>

Funding. The work falls under the initiative "Archaeology of Settlements in the Southern Urals. Settlement Structure and Arrangement of Living Space in the Context of Natural and Cultural Transformation". Registration number 1022040500498-5-6.1.2.

Acknowledgements. I would like to express my gratitude to V.A. Ivanov, the leader of the excavations, for the opportunity to publish his materials, as well as for his assistance and support in preparing the research.

Введение

Исследование посвящено проблеме генезиса бахмутинской археологической культуры и роли кара-абызского населения в данном процессе.

Современный уровень решения этой проблемы характеризуется на основе общепризнанных тезисов о формировании бахмутинских культурных стереотипов на основе пьяноборско-кара-абызского [Мажитов, 1968. С. 11], пьяноборского

[Голдина, 2004. С. 298–301; Красноперов, 2020. С. 436] пьяноборского (чегандинского), кара-абызского, убаларского [Матвеева, 1969. С. 56–62, 69–72; Генинг, 1972. С. 246; 1988. С. 220], а также автохтонного (предшествующее население раннего железного века) и не местного субстрата памятников типа Тураево, Старая Мушта, Кудашево [Останина, 1997. С. 176–177; Султанова, 2000. С. 128–138; Иванов, Антонов, Злыгостев, 2013. С. 19–21, 25–26]. Однако конкретное сопоставле-

ние археологического материала практически отсутствует, за исключением исследования В.А. Ивановым погребального обряда пьяноборской, кара-абызской, мазунинской и бахмутинской культур, в ходе которого удалось установить генетическое родство указанного населения. Коэффициент формально-типологического сходства признаков погребального обряда кара-абызской и бахмутинской культур получил значение равное 0,62 (62%), что может говорить об относительно высокой типологической близости [Иванов, 1999. С. 22–36]. Им же проведен анализ типологического сходства пьяноборского и бахмутинского керамического комплекса Юлдашевского (Петер-Тау) городища. В результате было выявлено наличие явной генетической преемственности с коэффициентом абсолютного сходства 52,1%, полученного в ходе сравнительного анализа указанных керамических серий [Иванов, 1982. С. 204–208].

Таким образом, сходство признаков погребального обряда кара-абызской и бахмутинской культур очевидны для большинства исследователей. Неоднократно высказывалась и идея близости керамического материала, при том, что специализированные работы, затрагивающие данную проблематику, отсутствуют.

Основным критерием для настоящего исследования выбрана керамика, как наиболее близкий маркер родства бахмутинской и кара-абызской групп населения, в соответствии с имеющимися данными в историографии [Пшеничнюк, 1973. С. 241; Генинг, 1972. С. 246; 1988. С. 220]. Задачами исследования является характеристика и сравнение гончарных традиций по основным признакам: морфология, формовочные массы, орнамент. Полигоном для исследования выступает эпонимное Кара-Абызское городище, вернее – коллекции городища, хранящиеся в фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН (ИЭИ УФИЦ РАН). Площадка поселения в разное время использовалась как кара-абызским, так и бахмутинским населением.

Важное значение имеют данные о хронологии. В соответствии с ними, гончарные традиции как составная часть археологического комплекса культур могли сосуществовать в рамках позднекара-абызского этапа и времени формирования бахмутинских культурных стереотипов в III–IV вв. н.э. [Овсянников, 2014. С. 377].

Наиболее полное описание и история изучения Кара-Абызского городища дана А.С. Проценко и его соавторами в ряде публикаций, поэтому возвращаться к этому вопросу в рамках настоящей работы нет необходимости. [Проценко, 2017. С. 127–133; Проценко и др., 2025. С. 34–42]. Там же представлены наиболее актуальные планы и самые свежие данные с площадки памятника.

Материалы и методы

Источниковая база представлена двумя коллекциями из археологических фондов ИЭИ УФИЦ РАН:

1. Коллекция № 49 – «Кара-Абызское городище», представлена материалами разведок Н.А. Мажитова за 1959 г. и А.Х. Пшеничнюка за 1960 г. Стоит отметить что, во-первых, объединение материала разных лет – случай не рядовой для практики хранения археологических коллекций, а во-вторых, данных об обследованиях Кара-Абызского городища нет в отчётах указанных исследователей. В отчёте В.А. Иванова о раскопках Кара-Абызского городища указано об исследовании памятника Н.А. Мажитовым в 1964 г. [Иванов, 1977. С. 1–2], однако эта информация в отчёте исследователя за этот год также не обнаружена.

Общая численность коллекции 216 единиц хранения (керамика – 212 ед.хр.). Из них 111 ед.хр. (исключительно керамика) – материалы разведки Н.А. Мажитова, другие 105 ед.хр. (101 фрагмент керамики) – А.Х. Пшеничнюка, где наряду с керамикой имеется костяное ложило, предмет из кости, бронзовый трёхлопастной наконечник стрелы и бронзовая обойма. Для того, чтобы не допустить путаницы, так как коллекция не имеет сквозной нумерации и материалы разведок пронумерованы отдельно, в тексте, а также в иллюстрациях номер коллекции Н.А. Мажитова будет дополнен буквой «М» (№ 49М), а А.Х. Пшеничнюка – буквой «П» (№ 49П).

2. Коллекция № 844 – «Кара-Абызское городище». Представлена материалами раскопок В.А. Иванова 1977 г. Отчёт имеется, однако отсутствует коллекционная опись, что делает невозможным анализ стратиграфического залегания материала в раскопе. Общее количество представлено 556 ед.хр., 474 из которых являются фрагментами керамики. Наряду с керамикой, коллекцию составили: 23 фрагмента кости и рога, 3 каменных оселка, 4 каменных отбойника и 2 тёрочника, 1 фрагмент глиняной обмазки, 10 пряслиц, 1 костяное изделие, 2 костяных и 1 бронзовый втульчатый наконечник стрелы, 1 железная пряжка, 2 железных ножа, 1 бронзовая бляха, 2 бусины, 1 клык, 3 фрагмента шлака, 16 раковин.

Таким образом, всего обработано 772 ед.хр. из них 686 фрагментов керамики. В соответствии с имеющимися данными, значительная часть (449 ед., 65,4%) керамического материала представлена орнаментированными и неорнаментированными верхними частями сосудов, в меньшей степени встречены стенки сосудов (230 ед., 33,5%), 7 ед. или около 1% всех фрагментов составляют уплощенные и округлые днища (табл. 1).

Таблица 1. Городище Кара-Абыз. Характеристика фрагментов керамики
Table 1. Kara-Abyz hillfort. Characteristics of ceramic fragments

Тип фрагмента	Кол-во	%
венчик орнаментированный	311	45,3
венчик неорнаментированный	138	20,1
стенка неорнаментированная	127	18,5
стенка орнаментированная	103	15,0
днище уплощенное	4	0,6
днище округлое	3	0,4
Всего	686	100,0

Дифференциация ведущих культурных групп и типов произведена в ходе их визуального осмотра и фиксации метрических показателей, на основе морфологии форм, пропорций сосудов, фактуре и орнаментации. Состав формовочных масс определялся в ходе наблюдения по свежим изломам фрагментов керамики с помощью бинокулярного микроскопа МБС-10. Обработка керамического материала, суммарные характеристики и определение степени сходства признаков и их совокупностей основывалось на формализованно-статистических методах [Генинг и др., 1990].

Значительная часть керамики – 288 фрагментов (42%), позволяют провести реконструкцию форм сосудов. Столь высокий показатель может быть связан с отбором материала в полевых условиях, притом, что данных об оставлении массового керамического материала на памятнике не встречено ни в отчётах, ни в коллекционных описях.

Анализ керамического материала позволил определить культурную принадлежность значительной части фрагментов керамики (662 ед., 96,5%), та же процедура исключительно реконструируемых форм сосудов дала ещё более высокий результат (290 ед., 99,7%). Крайне неоднородным является распределение керамики по культурным группам, так более 2/3 всей керамики относится к кара-абызской гончарной традиции, в значительно меньшей степени встречена бахмутинская, гафурийская, чияликская, постмаклашевская и ананьинская керамика (табл. 2). Эти данные могут фиксировать наиболее активное, а вероятно и продолжительное использование площадки памятника именно кара-абызским населением.

Результаты

Первая группа представлена фрагментами двух сосудов. Один из них состоит из четырёх фрагментов венчиков и стенки одного сосуда горшечной формы (рис. 1, 1). Он имеет высокую слабоогнутую шейку и слабопрофилированный переход в тулово. Примесь в формовочных

Рис. 1. Керамический комплекс городища Кара-Абыз. 1, 2 – постмаклашевская керамика; 3, 4 – керамика ананьинской культуры шнуровой керамики

Fig. 1. Ceramic complex of the Kara-Abyz hillfort. 1, 2 – Post-Maklasheevka culture ceramics; 3, 4 – ceramics of the Ananyino corded ware culture

Таблица 2. Городище Кара-Абыз. Культурные группы керамики
Table 2. Kara-Abyz hillfort. Cultural groups of ceramics

Культурная группа	Вся выборка		Целые формы	
	Кол-во	%	Кол-во	%
кара-абыз	484	70,6%	246	85,4%
бахмутино	131	19,1%	20	6,9%
гафурийская	28	4,1%	14	4,9%
чиялик	11	1,6%	5	1,7%
постмаклашевская	6	0,9%	1	0,3%
АКИО	2	0,3%	1	0,3%
не идентифицировано	24	3,5%	1	0,3%
Общий итог	686	100,0%	288	100,0%

массах состоит из битой раковины мелких и средних размеров, в довольно большой концентрации. Цвет фрагментов от кирпичного и терракотового до светло-серого, что может говорить о неоднородном костровом обжиге. Поверхность сосуда хорошо заглажена, а орнамент представляет собой пояс продолговатых косых насечек, нанесённых зигзагообразно в количестве четырёх – реже пяти штук в верхней части сосуда. Срез устья также оформлен насечками. Четыре из пяти фрагментов имеют сквозные отверстия в верхней части.

Сохранность другого сосуда не позволяет реконструировать форму. Фрагмент принадлежал сосуду с прямой или слабоогнутой шейкой (рис. 1, 2). Поверхность хорошо обработана (заглажена), цвет фрагмента тёмно-серый. Примесь представлена мелкими и пылевидными фракциями раковины, а также пылевидным песком, вероятно естественного происхождения. Узор состоит из коротких вдавлений гребенки, имитирующей оттиск шнура, одним орнаментом по поверхности сосуда и срезу устья.

Описанные фрагменты по всем основным показателям (орнамент, примесь, форма, цвет) находят наиболее близкие аналогии в гончарной традиции *постмаклашеевской культуры*. Культура была широко распространена в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье, а также в бассейне р. Белая от устья до её среднего течения [Чижевский, Волкова, 2021. С. 162–166]. Важным наблюдением

является отсутствие ямочного узора и сложных композиций орнамента, что вероятно говорит о позднем этапе развития традиции и может датироваться VI–V вв. до н.э. [Овсянников, 2014. С. 375; Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015. С. 102–103; Чижевский, Волкова, 2021. С. 182].

Вторая группа керамики представлена двумя фрагментами, в одном случае возможна реконструкция формы сосуда (рис. 1, 3, 4). Он имеет горшечную форму, короткую слабоогнутую шейку и плечо в месте перехода к тулову. Для обоих фрагментов характерна хорошая обработка поверхности и примесь раковины. Орнамент представляет собой горизонтальный пояс по шейке в виде двух рядов оттиска шнура и круглоямочных вдавлений между ними, в первом случае одинарными, во втором двойными. Данная посуда аналогична керамике поселений классической *ананьинской культуры* шнуровой керамики (АКШК), на ныргындинской и переходной стадиях [Чижевский, Черных, Кореньюк, 2021. С. 192–195; Овсянников, Каюмов, Бабин, 2015. С. 102–103] и может быть широко датирована V–III вв. до н.э.

Следующая группа керамики довольно своеобразна и представлена колоколовидными или близкими к ним формами сосудов с вертикальной утолщенной шейкой, нередко с внутренним срезом, преимущественно резным или желобчатым орнаментом в виде длинных насечек и резных зигзагов (рис. 2, 1–9). Эта керамика *гафурийского*

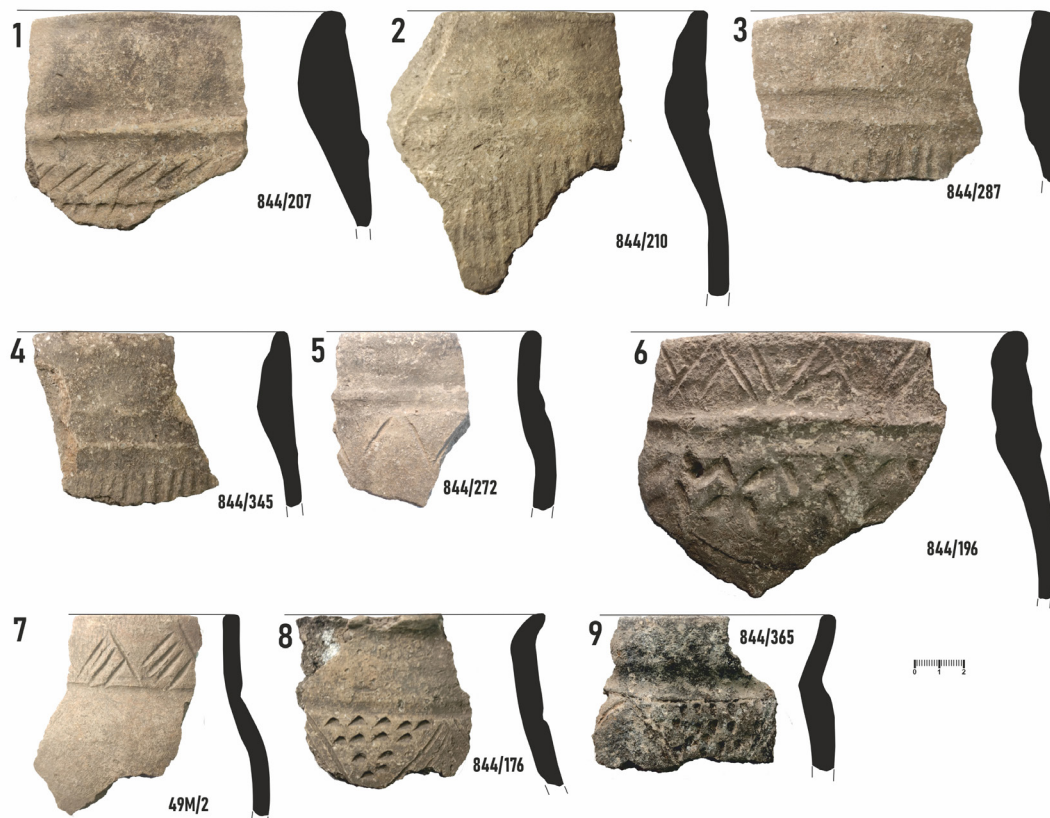

Рис. 2. Керамический комплекс городища Кара-Абыз. Керамика гафурийского типа

Fig. 2. Ceramic complex of the Kara-Abyz hillfort. Ceramics of the Gafuri type

тина, широко распространенная на поселениях кара-абызской культуры, представлена 28 фрагментами и 14 реконструируемыми формами. Наряду с колоколовидными сосудами, встречаются и горшечные формы (рис. 2, 5, 7, 8), с прямыми или слабо отогнутыми шейками и слабовыраженным переходом в тулово. При этом исключительно «гафурийский» орнамент на них дополняется уступом в месте перехода к тулову. Примесью формовочных масс керамики этой группы выступает раковина, а не тальк, что вместе с трансформацией форм, но сохранением орнамента, вероятно, свидетельствует об ассимиляции гафурийской традиции местной кара-абызской. На наш взгляд также примечательным можно считать фрагмент сосуда, который сочетает в себе гафурийскую форму, кара-абызскую раковинную примесь и убаларские черты орнамента, представленные вертикальным «ёлочным» и редуцированным гафурийским зигзагом [Савельев, 2017. С. 27] (рис. 2, 6). Ещё один сосуд имеет форму близкую колоколовидной, но не имеет утолщения в верхней части, его профиль представлен слабоотогнутой шейкой, с небольшим дуговидным наклоном внутрь и резким уступом в месте перехода в слабовыраженное тулово (рис. 2, 9). В этом случае можно предполагать, что перед нами редуцированная форма колоколовидного сосуда с характерным для гафурийской керамики орнаментом, но с примесью раковины.

В результате, по характеру взаимодействий гафурийского и кара-абызского населения, отмеченных Н.С. Савельевым при сопоставлении материалов Шиповского и Биктимировского городищ, группа может быть уверенно датирована с III в. до н.э. до рубежа эр [Савельев, 2011. С. 65].

Следующая группа керамики является самой многочисленной и разнообразной в плане форм и орнамента сосудов.

Более четверти сосудов представлены чашами (рис. 3, 1, 2), значительно реже встречаются также чаши с небольшой шейкой (рис. 4, 1). Устойчивой традицией можно назвать сосуды по форме близ-

кие гафурийской колоколовидной, без утолщения в верхней части, со слабоотогнутой шейкой, небольшим дуговидным уклоном внутрь и резким уступом в месте перехода в слабовыраженное тулово (рис. 4, 2–4), аналогичные сосуду, описанному выше (рис. 2, 9). При этом наиболее распространенной является горшечная форма с короткими слабоотогнутыми или прямыми шейками и плечом с различной выраженностью перехода в тулово (рис. 3, 3–10). Около 5 % сосудов представлено закрытыми формами (рис. 3, 11).

Примесь в формовочных массах чаще всего представлена раковиной, а также смесью раковины с органикой, песком или шамотом (табл. 3). Поверхность сосудов чаще всего хорошо заглажена, в единичных случаях имеет следы расчёсов. Бугристость поверхности связана с примесью шамота, редко встречаются кратеры от выгорания, выпадения или выщелачивания раковинной примеси.

Орнамент встречен на 258 фрагментах (53,3 %), 226 фрагментов (46,7 %) не имели орнамента. Подавляющее большинство (252 ед., 52,1 %) имеют орнамент в виде круглоямочных, пальцевых (ногтевых), овальных, подтреугольных, каплевидных или бесформенных вдавлений, расположенных в виде горизонтального пояса по шейке (рис. 3, 1, 3–9; рис. 4, 1–3). Редким видом орнамента являются насечки по венчику, либо линейный (по 4 случая, менее 1 %), каннелюры (5 единиц, около 1 %), чаще всего в композиции с ямочным узором.

Описанная керамика может быть объединена в группу кара-абызской и датироваться в самом широком диапазоне всех перечисленных выше групп, вплоть до II–III вв. н.э. [Пшеничнюк, 1973. С. 210; Овсянников, 2014. С. 376–377].

Следующая культурная группа представлена 131 фрагментом керамики, позволяющим реконструировать 20 целых форм (рис. 5, 1–6). Сосуды чаще всего имеют горшечную форму с короткой отогнутой (рис. 5, 2, 5) или слабоотогнутой (рис. 1, 3) шейкой и переходом к тулову в виде плеча (9 ед., 39,1 %), 6 фрагментов (26,1 %) принадле-

Таблица 3. Городище Кара-Абыз. Распределение примесей по культурным группам
Table 3. Kara-Abyz hillfort. Distribution of impurities by cultural groups

Культ. группы	древка+раковина	органика+раковина	песок	песок+тальк	раковина	раковина+песок	раковина+шамот	тальк	шамот+песок	Общий итог
постмаклашеевка					6					6
АКИО					2					2
гафурийская	1				24		3			28
кара-абыз		1	1		455	1	26			484
бахмутино			129		1				1	131
чиялик			1	2	4		2	2		11
Общий итог	1	1	131	2	492	1	31	2	1	662

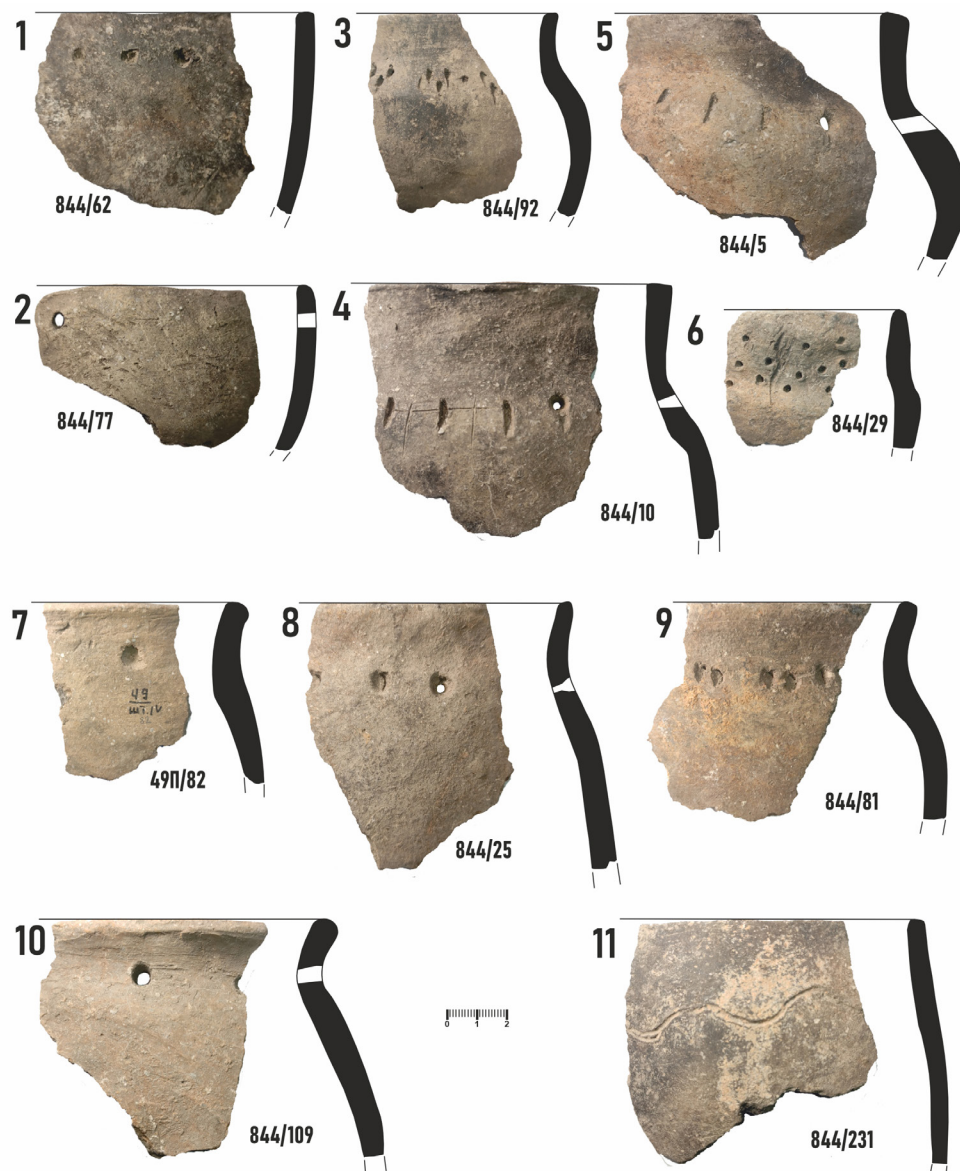

Рис. 3. Керамический комплекс городища Кара-Абыз. Кара-абызский тип керамики
 Fig. 3. Ceramic complex of the Kara-Abyz hillfort. Ceramics of the Kara-Abyz type

Рис. 4. Керамический комплекс городища Кара-Абыз. Кара-абызский тип керамики с гафурийскими признаками
 Fig. 4. Ceramic complex of the Kara-Abyz hillfort. Ceramics of the Kara-Abyz type with Gafuri features

Рис. 5. Керамический комплекс городища Кара-Абыз. 1–6 – бахмутинская керамика; 7–9 – чияликская керамика
Fig. 5. Ceramic complex of the Kara-Abyz hillfort. 1–6 – Bakhmutino culture ceramics; 7–9 – Chiyalik culture ceramics

жат закрытым сосудам (рис. 5, 1), высокие шейки встречены дважды (8,7%), в коллекциях также имеется один сосуд миниатюрных пропорций и одна чаша.

Цвет фрагментов от кирпичного и терракотового до светло-серого. Преобладающая примесь в формовочных массах представлена окатанным и неокатанным песком различных фракций от мелкого и пылевидного, до среднего и единичных включений крупного (129 фр., 98,5%). Один фрагмент имел примесь раковины, другой примесь песка и шамота. Поверхность сосудов чаще имеет следы расчёсов (рис. 5, 4, 5), вероятно, оставленных грубой тканью с внешней и внутренней (35,2%), только внутренней (22,4%), либо только внешней (5,6%) стороны. Заглаженные сосуды без расчёсов составили 36,4% случаев (табл. 4). Ещё

одним ярким признаком данной группы керамики являются отпечатки тонких волокон в верхней части сосудов (рис. 5, 1–3, 5, 6) – из 47 фрагментов (100%), где данный признак можно было зафиксировать, 38 раз (80,9%) он был встречен.

Орнамент присутствует на 112 фрагментах (88,2%), при этом в 92% он представлен круглоямочными вдавлениями. В 69,6% случаев это круглоямочный орнамент беспорядочно или рядами нанесенный на всю поверхность сосуда (рис. 5, 1, 2), в 18,8% случаев композицию не позволяет уточнить сохранность фрагментов, размер которых не превышает 3–6 см², а на поверхности такой площади встречаются всего одна-две ямки. Орнамент в виде горизонтального пояса ёлочки (рис. 5, 4), по плечу, ребру или шейке встречен в 6 случаях (5,4%), в одном случае горизонтальный

Таблица 4. Городище Кара-Абыз. Характер обработки поверхности (снаружи/внутри сосуда)
Table 4. Kara-Abyz hillfort. Surface treatment type (outside/inside the vessel)

Культ. группы	бугристая/ бугристая	заглажен/ бугристая	заглажен/ заглажен	заглажен/ расчёсы	заглажено/ расчёсы	расчёсы/ бугристая	расчёсы/ заглажен	расчёсы/ расчёсы	Общий итог
постмаклашеевка			6						6
АКИО			2						2
гафурийская			25	1					26
кара-абыз	1	1	458	10	2		1	3	476
бахмутино			46	28		1	6	44	125
чиялик			11						11
Общий итог	1	1	548	39	2	1	7	47	646

Таблица 5. Городище Кара-Абыз. Распределение диаметров горловин по культурным группам
Table 5. Kara-Abyz hillfort. Distribution of neck diameters by cultural group

Культ. группа	6	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34	36	37	Всего	
пост-маклашеевка													1	1		1		2														5
АКИО																											1					1
гафурийская								1			1	1		1		1		1				1	1	3	1			1		1		14
кара-абыз	1			2		4	4	3	8	10	9	4	7	14	18	23	17	20	13	18	16	24	7	6	1	6		1	2	1		239
бахмутино								1	1	2	2	1	1	3	1	3	4	2														21
чиялик		3	2	1	2					1																						9
Всего	1	3	2	3	2	4	4	5	9	13	12	6	9	19	19	28	21	25	13	18	16	25	8	9	2	6	1	2	2	2	289	

поясок елочного орнамента дополняется пояском круглоямочных вдавлений (рис. 5, 5). Реже встречен узор в виде оттиска гребенчатого штампа (2 случая, 1,8%) (рис. 5, 3, 6), насечки по срезу устья зафиксированы лишь однажды. Столь высокий показатель орнаментированных сосудов данной группы связан с традицией украшать всю поверхность сосудов, подчас вместе с днищами. Так, в материалах исследованных коллекций доля орнаментированных стенок и днищ равна 69,6%.

Описанная гончарная традиция представляет собой *бахмутинскую* культурную группу, широко распространенную в Уфимско-Бельском междуречье. Хронология бытования этой керамики – III–VIII вв. н.э., основана на датированных материалах некрополей [Мажитов, 1987. С. 117; Гавритухин, 2022. С. 277–282].

Для следующей группы керамики характерны сосуды с высокой прямой шейкой и выраженным (ребро) переходом в тулово (рис. 5, 7–9). Всего зафиксировано 11 фрагментов, 5 из которых позволяют реконструировать форму. Поверхность таких сосудов чаще всего хорошо заглажена, цвет варьирует от терракотового до кирпичного. Примесь относительно разнообразна, это раковина (4 случая, 36,4%), раковина и шамот, песок и тальк, только тальк (все по 2 случая, 18,2%), один фрагмент имел исключительно примесь песка (9,1%).

Орнаментация керамики данной группы представляет довольно сложные композиции, при этом в основе всех (100%) лежит оттиск шнура (либо подражания ему) в виде многочисленных горизонтальных поясов (до 14 рядов) по шейке и вертикальной ёлочке по тулову. Все имеющиеся устья также украшены оттисками шнура (гребенки или насечками) по срезу.

Описанная группа является ни чем иным, как керамикой *чияликской культуры* лесостепного Предуралья и датируется XIII–XIV вв. н.э. [Русланов, Обидённая, Гарустович, 2025. С. 55–59].

Проведенная характеристика керамических коллекций позволяет решить основную задачу настоящего исследования – сравнить керамику кара-абызского и бахмутинского типа с целью обнаружения основных сходств и различий.

Проблемой данного сопоставления является разница в выборках интересующих нас групп. Так, общее количество кара-абызской керамики равняется 484 фрагментам, притом, что больше половины из них позволяют реконструировать целые формы, в то время как бахмутинских фрагментов более чем в три раза меньше, целых форм – в десять (табл. 2). Общие тенденции прослеживаются и на имеющемся материале, но для более подробного анализа будут привлечены опубликованные данные с Барьязинского городища [Колонских, 2021]. В материалах этого поселения хорошо выделяется керамика бахмутинской группы, её общее количество равно 500 фрагментам, 137 единиц позволяют реконструировать форму, что вполне сопоставимо с кара-абызской серией Кара-Абызского городища. Стоит также отметить, что несмотря на значительную удаленность сравниваемых памятников, бахмутинская керамическая серия Барьязинского городища близка керамической серии городища Кара-Абыз, на что в том числе указывает небольшое количество фрагментов с примесью раковины, которая почти не встречается на Кансияровском городище, расположенном в северной части ареала её распространения [Колонских, 2025. С. 389].

Для анализа керамических серий использованы методы статистического анализа, а именно суммарная характеристика и сравнительный анализ [Генинг и др., 1990. С. 66–82].

В результате было сформировано пять совокупностей признаков, которые демонстрировали степень орнаментированности фрагментов, основные примеси в формовочных массах, ведущие формы сосудов, специфику орнамента и толщину стенок (табл. 6).

В ходе суммарной характеристики удалось установить, что кара-абызская и бахмутинская керамика имеет относительно высокие показатели орнаментированности, особенно это касается верхних частей сосудов.

Наименьшее сходство наблюдается в примесях керамики. Основной примесью бахмутинской посуды, является песок, кара-абызской – раковина.

Относительно часто в обеих культурных группах сосуды имеют низкие пропорции, то есть их высота сопоставима с диаметром горла. Сосуды высоких пропорций, закрытые и миниатюрные сосуды также встречаются в обеих выборках, но значительно реже. Основные отличия связаны с количеством сосудов в форме чаш. Они единичны в бахмутинской керамике, но имеют значительный процент в кара-абызской. Совершенно не характерными для бахмутино являются так называемые колоколовидные сосуды, которые вероятно представляют собой редуцированные формы гафурийских. Подобные формы широко распространены и на убаларских поселениях [Садыкова, 1962. С. 127. Табл. 1, 12, 14, 15; Матвеева, 1973. С. 246. Рис. 1, 2]. Также эти формы или максимально близкие им,

массово фиксируются на поселениях мазунинской культуры на правом берегу р. Кама и в устье р. Белая [Колонских, 2025. С. 388].

Единственным общим местом, в плане узора на керамике анализируемых групп, является круглоямочный орнамент. Притом в бахмутинской группе он расположен по всей поверхности сосуда, однако даже в случае с бессистемным, на первый взгляд, его расположением, почти обязательным является минимум один горизонтальный пояс по шейке. Для кара-абызского орнамента круглые ямки встречены только в виде горизонтального пояса. Чаше круглоямочных наколов в кара-абызской керамике встречены вдавления (наколы) некруглых форм, нередко это ногтевые, либо вдавления пальцем, подтреугольные, овальные, подпрямоу-

Таблица 6. Суммарная характеристика и сравнительный анализ бахмутинской и кара-абызской керамики
Table 6. Summary description and comparative analysis of Bakhmutino and Kara-Abyz ceramics

Признаки	Культ. группы		Степень сходства	
	кара-абыз	бахмутино	по признакам %	по совокупности %
	%%	%%		
Орнаментированность фрагментов				
1. венчик неорнаментированный	22,9%	5,7%	5,7	86,2
2. венчик орнаментированный	49,2%	62,8%	49,2	
3. стенка неорнаментированная	22,7%	2,0%	2,0	
4. стенка орнаментированная	45,5%	29,3%	29,3	
Примесь				
5. песок	0,2%	83,6%	0,0	7,0
6. раковина	94,0%	7,0%	7,0	
7. раковина+песок	0,2%	9,4%	0,0	
8. органика+раковина	0,2%	0,0%	0,0	
9. раковина+шамот	5,4%	0,0%	0,0	
Формы				
10. низкие пропорции	21,5%	13,3%	13,3	20,6
11. высокие пропорции	8,3%	4,6%	4,6	
12. закрытые	2,7%	5,9%	2,7	
13. чаша	14,5%	0,4%	0,0	
14. миниатюрные	0,4%	0,6%	0,0	
15. колоколовидные	3,5%	0,0%	0,0	
Орнамент				
16. бессистемная ямка	0,4%	55,2%	0,0	22,4
17. круглоямочный	47,7%	22,4%	22,4	
18. насечки по венчику+круглоямочный	0,4%	7,0%	0,0	
19. ногтевые (пальцевые) вдавления	15,5%	0,0%	0,0	
20. вдавления разл. форм	31,4%	0,2%	0,0	
21. насечки по венчику	0,4%	0,2%	0,0	
22. круглоямочный+ёлочка	0,0%	3,0%	0,0	
Толщина стенок				
23. 0.3 мм	0,0%	2,1%	0,0	34,5
24. 0.4 мм	0,8%	20,4%	0,0	
25. 0.5 мм	13,1%	47,5%	13,1	
26. 0.6 мм	12,5%	20,9%	12,5	
27. 0.7 мм	26,7%	7,4%	7,4	
28. 0.8 мм	28,3%	1,5%	1,5	
29. 0.9 мм	11,3%	0,0%	0,0	
30. 1.0 мм	6,0%	0,2%	0,0	
31. 1.1 мм	0,6%	0,0%	0,0	
32. 1.2 мм	0,6%	0,0%	0,0	

гольные или бесформенные. Этот вид узора также более характерен для мазунинской керамики правобережья р. Кама [Колонских, 2021. С. 101].

Бахмутинскую керамику также отличают более тонкие стенки. Хотя разница и не так велика, но в общем кара-абызская керамика более крупная и объёмная (табл. 5).

В результате проведенная характеристика позволяет выявить как ряд сходств, так и немало отличительных признаков сравниваемых групп керамики. Это не должно казаться странным, во-первых, датировка отдельных морфологических признаков на посуде по большому счёту отсутствует и вряд ли может быть реализована в ближайшее время, во-вторых, речь идёт о керамике разных эпох, разных культур и вероятно разных хозяйственных типов обществ.

Подсчёт абсолютной степени сходства кара-абызской и бахмутинской керамики дал результат, равный 34,1 %. Качественная оценка этого показателя указывает на умеренное сходство, что вполне очевидно.

Заключение

В заключении хотелось бы попытаться ответить на вопрос о том, какую всё же роль сыграло кара-абызское население в процессе формирования бахмутинской культуры? Во-первых, проведенное исследование показывает, что гончарные традиции имеют много общего, отличия наверняка вызваны взаимодействием с пришлым гафурийским населением, притом, что его влияние на территорию северной группы кара-абызской культуры было не столь мощным как на более южных

территориях. Во-вторых, Кара-Абызское городище располагается на пересечении бамутинского и кара-абызского ареалов, судя по имеющимся данным накладывается и хронология. Примером тому могут служить мазунинские или бахмутинские вещи в погребениях Шиповского могильника [Овсянников, 2023. С. 10]. В-третьих, прекращение функционирования памятников северной группы кара-абызского населения В.В. Овсянников связывает с уходом населения в прикамский регион, где по мнению исследователя оно приняло участие в формировании «башкирского» варианта мазунинской культуры [Овсянников, 2014. С. 377]. Я чётко разделяю мазунинские и бахмутинские памятники и потому считаю, что кара-абызское население могло принять участие в формировании именно мазунинской культуры в Удмуртском Прикамье. В плане гончарных традиций это хорошо коррелирует с преобладанием раковинной примеси и специфической формы так называемых колоколовидных сосудов, которые не встречаются в бахмутино. Стоит также предположить, что если в формировании бахмутинской культуры и принимало участие кара-абызское население, то вернее будет назвать именно его южную группу, представленную убаларской и имендяшевской керамикой, в формовочных массах которой преобладает песок; именно песчаная примесь становится ведущей в Уфимско-Бельском междуречье после III в. н.э. Несмотря на то, что данные наблюдения озвучивались исследователями прежде [Овсянников, Сунгатов, 2004. С. 230], данное предположение должно быть верифицировано соответствующими наблюдениями.

ИСТОЧНИКИ

Иванов В.А., 1977. *Научный отчёт о результатах археологических исследований за 1977 г.* (Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4887)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гавритухин И.О., 2022. Хронология и динамика культур в конце позднесарматского времени и начале эпохи великого переселения народов, *Археология Волго-Уралья, т. 4. Эпоха Великого переселения народов*. Казань: АН РТ, с. 272–316. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Генинг В.Ф., 1972. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения), *Проблемы археологии и древней истории угров*. М.: Наука, с. 221–295.
- Генинг В.Ф., 1988. *Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в до н.э. – II в. н.э.)*. М.: Наука, 240 с.
- Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А., 1990. *Формализовано-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников)*. Киев: Наукова думка, 300 с.
- Голдина Р.Д., 2004. *Древняя и средневековая история удмуртского народа*. Ижевск: УдмГУ, 422 с.
- Иванов В.А., 1982. Городище Петер-Тау (Юлдашевское), *Советская археология*, № 3, с. 199–209.
- Иванов В.А., 1999. *Древние угры-мадяры в Восточной Европе*. Уфа: Гилем, 123 с.
- Иванов В.А., Антонов И.В., Злыгостев В.А., 2013. *Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI вв. н.э.)*. Уфа: БГПУ, 280 с.
- Колонских А.Г., 2021. Керамическая коллекция Барьязинского городища, *Археология Евразийских степей*, № 6, с. 97–111. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.97.111>
- Колонских А.Г., 2025. Керамика городища Петер-Тау (Юлдашевское) из музейных собраний Башкирии, *Историко-культурное наследие*, № 4, с. 252–264. <https://doi.org/10.62669/30342139.2025.4.41>
- Красноперов А.А., 2020. Финал мазунинских памятников на правобережье Камы, *Экология древних и традиционных обществ: Материалы VI Междунар. науч. конф.* Тюмень: ТюмНЦ СО РАН, с. 435–437.

- Матвеева Г.И., 1968. *Население лесной и лесостепной Башкирии в III–VIII вв. н.э.* Дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. Уфа, 237 с.
- Матвеева Г.И., 1973. Памятники железного века в бассейне р. Зилим, *Археология и этнография Башкирии*. Т. 5. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, с. 244–252.
- Мажитов Н.А., 1968. *Бахмутинская культура*. М.: Наука, 163 с.
- Мажитов Н.А., 1987. Некоторые замечания по раннесредневековой археологии Южного Урала, *Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала*. Уфа: БФАН СССР, с. 117–130.
- Овсянников В.В., Сунгатов Ф.А., 2004. Городище Каменная гора в среднем течении р. Уфы, *Уфимский археологический вестник*, № 5, с. 218–240.
- Овсянников В.В., 2014. Культурно-исторические процессы в лесостепном Предуралье в середине I тыс. до н.э. – середине I тыс. н.э., *Труды IV (XX) Всеросс. археологич. съезда в Казани*. Том. II. Казань: Отечество, с. 376–377.
- Овсянников В.В., Каюмов И.Х., Бабин И.М., 2015. Новые материалы с поселений кара-абызской культуры, *Уфимский археологический вестник*, № 15, с. 85–110.
- Овсянников В.В., 2023. *Шиповский курганно-грунтовой могильник в Южном Предуралье*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 114 с. (Археология и этнография Башкортостана. Т. VII) <https://doi.org/10.31833/246.3.2023.33>
- Останина Т.И., 1997. *Население Среднего Прикамья в III–V вв.* Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 327 с.
- Проценко А.С., 2017. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.), *Археология Евразийских степей*, № 4, с. 127–134.
- Проценко А.С., Иванов В.А., Курманов Р.Г. Сулейманов Р.Р., 2025. Кара-абызское городище в Южном Приуралье. Итоги междисциплинарных исследований, *Археология Евразийских степей*, № 6, с. 33–45. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.6.33.45>
- Пшеничнюк А.Х., 1973. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры), *Археология и этнография Башкирии*. Т. V. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, с. 162–243.
- Русланов Е.В., Обидённая Г.Т., Гарустович Г.Н., 2025. *Предуралье в золотоордынское время: комплекс памятников чияликской культуры у села Горный*. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 145 с.
- Савельев Н.С., 2011. Гафурьевский керамический комплекс Биктимировского городища в лесостепи Южного Приуралья, *Российская археология*, № 2, с. 56–66.
- Савельев Н.С., 2017. О происхождении убаларского культурного типа в лесостепи Южного Приуралья, *Уфимский археологический вестник*, № 17, с. 18–38. <https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.004>
- Садыкова М.Х., 1962. Новые памятники железного века Башкирии, *Археология и этнография Башкирии*. Т. I. Уфа: БФАН СССР, с. 123–132.
- Султанова А.Н., 2000. *Бирский могильник: историко-археологическое исследование*. Дисс. на соиск. ... канд. ист. наук. Уфа, 225 с.
- Чижевский А.А., Волкова Е.В., 2021. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашевская культура, *Археология Волго-Уралья*, т. 3. Ранний железный век. Казань: АН РТ, с. 162–185. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.3>
- Чижевский А.А., Черных Е.М., Кореньюк С.Н., 2021. Ананьинская культурно-историческая область. Ананьинская классическая культура (шнуровой керамики), *Археология Волго-Уралья*, т. 3. Ранний железный век. Казань: АН РТ, с. 186–216. <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.3>

REFERENCES

- Gavritukhin, I.O., 2022, “Chronology and Dynamics of Cultures at the End of the Late Sarmatian Period and the Beginning of the Great Migration Period”, *Archaeology of the Volga-Urals*, vol. 4. *The Great Migration Period*, AN RT, Kazan, pp. 272–316. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2022.4>
- Gening, V.F., 1972, “The Southern Urals in the 3rd – 7th Centuries AD (The Problem of Ethnicity and Its Origin)”, *Problems of Archaeology and Ancient History of the Ugric Peoples*, Nauka, Moscow, pp. 221–295. (In Russ.)
- Gening, V.F., 1988, *Ethnic History of the Western Ural Region at the Turn of the Common Era (Pyany Bor Era, 3rd Century BC – 2nd Century AD)*, Nauka, Moscow, 240 p. (In Russ.)
- Gening, V.F., Bunyatyan, E.P., Pustovlov, S.Zh., Rychkov, N.A., 1990, *Formalized Statistical Methods in Archaeology (Analysis of Funerary Sites)*, Naukova Dumka, Kiev, 300 p. (In Russ.)
- Goldina, R.D., 2004, “Ancient and Medieval History of the Udmurt People”, UdmGU, Izhevsk, 422 p. (In Russ.)
- Ivanov, V.A., 1982, “Peter-Tau (Yuldashevskoye) Hillfort”, *Sovetskaya arheologiya*, no. 3, pp. 199–209. (In Russ.)
- Ivanov, V.A., 1999, “Ancient Ugric-Magyars in Eastern Europe”, Gilem, Ufa, 123 p. (In Russ.)
- Ivanov V.A., Antonov I.V., Zlygostev V.A., 2013, *The Southern Urals in the Middle Ages (5th – 16th Centuries AD)*, BGPU, Ufa, 280 p. (In Russ.)
- Kolonskikh, A.G., 2021, “Ceramic collection of Baryaza hillfort”, *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no 6, pp. 97–111. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2021.6.97.111>

- Kolonskikh, A.G., 2025, "The Peter-Tau (Yuldashevskoye) ancient settlement ceramics from the museum collections of Bashkiria", *Historical and Cultural Heritage*, no. 4, pp. 252–264. (In Russ.) <https://doi.org/10.62669/30342139.2025.4.41>
- Krasnoperov A.A., 2020, "The Problem of Final of the Mazunino archaeological culture on the Righth bank of the Kama river", *Ecology of Ancient and Traditional Societies: Proceedings of the 6th International Scientific Conference*, TyumNC SO RAN, Tyumen, pp. 435–437. (In Russ.)
- Matveeva, G.I., 1968, *Population of the Forest and Forest-Steppe Regions of Bashkiria in the 3rd – 8th Centuries AD*. Dissertation ... Candidate of Historical Sciences. Ufa, 237 p.
- Matveeva, G.I., 1973, "Iron Age Sites in the Zilim River Basin", *Archaeology and Ethnography of Bashkiria*, vol. 5, Ufa polygraph plant, Ufa, pp. 244–252. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A., 1968, "Bakhmutino culture", Nauka, Moscow, 163 p. (In Russ.)
- Mazhitov, N.A., 1987, "Some Remarks on Early Medieval Archaeology of the Southern Urals", *Questions of Ancient and Medieval History of the Southern Urals*, BFAN USSR, Ufa, pp. 117–130. (In Russ.)
- Ovsyannikov, V.V., Sungatov, F.A., 2004, "The Kamennaya Gora hillfort in the Middle Reach of the Ufa River", *Ufa Archaeological Herald*, no. 5, pp. 218–240. (In Russ.)
- Ovsyannikov, V.V., 2014, "Cultural and Historical Processes in the Forest-Steppe Cis-Urals from the Mid-1st Millennium BC to the Mid-1st Millennium AD", *Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan*, vol. II, Otechestvo, Kazan, pp. 376–377. (In Russ.)
- Ovsyannikov V.V., Kayumov I.Kh., Babin I.M., 2015, "New Materials from Settlements of the Kara-Abyz Culture", *Ufa Archaeological Herald*, no. 15, pp. 85–110. (In Russ.)
- Ovsyannikov, V.V., 2023, *Shipovsky Burial Mound and Ground Cemetery in the Southern Cis-Urals*, IYal UFIC RAN, Ufa, 114 p. (Archaeology and Ethnography of Bashkortostan, vol. VII) (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/246.3.2023.33>
- Ostanina, T.I., 1997, *Population of the Middle Kama Region in the 3rd – 5th Centuries*. UIYal UrO RAN, Izhevsk, 327 p. (In Russ.)
- Protsenko, A.S., 2017, "Certain results of studying Kara-Abyz settlement (on the basis of the materials of reconnaissance works conducted in 2015)", *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 4, pp. 127–134. (In Russ.)
- Protsenko, A.S., Ivanov, V.A., Kurmanov, R.G., Suleymanov, R.R., 2025, "Kara-Abyz fortified settlement in the Southern Urals. Results of interdisciplinary research", *Archaeology of the Eurasian Steppes*, no. 6, pp. 33–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.6.33.45>
- Pshenichnyuk, A.Kh., 1973, "Kara-Abyz Culture (Population of Central Bashkiria at the Turn of the Common Era)", *Archaeology and Ethnography of Bashkiria*, vol. 5, Ufa polygraph plant, Ufa, pp. 162–243. (In Russ.)
- Ruslanov, E.V., Obydyonova, G.T., Garustovich, G.N., 2025, *The Urals in the Golden Horde period: a complex of sites of the Chiyalik culture near the village of Gorny*. IYal UFIC RAN, Ufa, 145 pp. (In Russ.)
- Savelev, N.S., 2011, "Gafuri pottery assemblage from the Biktimirovo site in the forest-steppe of the South Urals", *Russian Archaeology*, no. 2, pp. 56–66. (In Russ.)
- Savelev, N.S., 2017, "A contribution to the origin of Ubalar cultural type in the Forest-Steppe of Southern Cisurals", *Ufa Archaeological Herald*, no. 17, pp. 18–38. (In Russ.) <https://doi.org/10.31833/uav.2017.17.004>
- Sadykova, M.Kh., 1962, "New Iron Age Sites of Bashkiria", *Archaeology and Ethnography of Bashkiria*, vol. 1, BFAN USSR, Ufa, pp. 123–132. (In Russ.)
- Sultanova, A.N., 2000, "Birsky burial ground: historical and archaeological research": Dissertation ... Candidate of Historical Sciences, Ufa, 225 p. (In Russ.)
- Chizhevsky, A.A., Volkova, E.V., 2021, "Ananyino Cultural-Historical Area: Post-Maklashevo Culture", *Archaeology of the Volga-Ural Region*, vol. 3. Early Iron Age, AN RT, Kazan, pp. 162–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.3>
- Chizhevsky, A.A., Chernykh, E.M., Korenyuk, S.N., 2021, "Ananyino Cultural-Historical Area: Ananyino Classical Culture (Cord-Impressed Pottery)", *Archaeology of the Volga-Ural Region*, vol. 3. Early Iron Age, AN RT, Kazan, pp. 186–216. (In Russ.) <https://doi.org/10.24852/978-5-9690-0951-6.2021.3>

Сведения об авторе

Александр Геннадьевич Колонских, кандидат исторических наук, Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН, Российская Федерация, г. Уфа. E-mail: kontrobazz@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5318-3926, Scopus ID: 57558936900

Information About the Author

Alexander G. Kolonskikh, Cand. Sc. (History), Institute of Ethnological studies of R.G. Kuzeev of the Ufa Federal Research Center of RAS, Russian Federation, Ufa. E-mail: kontrobazz@mail.ru, ORCID: 0000-0002-5318-3926, Scopus ID: 57558936900

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests: the author declare the absence of conflict of interests